

Заметки истории

Заметки о Ленинградском киноклубе

Отрывок из книги:

*Брискер А.С. Из Советского Союза через Россию
в Соединенные Штаты.
– СПб.: Издательство «Петербург – XXI век», 2010.*

И 1956 г. прошёл знаменитый XX съезд КПСС с историческим докладом Н.С. Хрущева «О культе личности и его последствиях». Вначале письмо съезда с докладом Н.С. Хрущева, разоблачавшим культ личности Сталина, читалось только на закрытых собраниях всех партийных ячеек, но очень скоро основные материалы съезда стали достоянием широкой общественности в стране и за рубежом.

С этим временем связано наступление в жизни Советского Союза периода, вошедшего в историю (с подачи И. Эренбурга) под названием «оттепель». Начали проводиться различные диспуты, литературные вечера, модернистские художественные выставки. Помнится, как я бегал с одного мероприятия на другое, стараясь как можно больше увидеть и услышать, – боясь что-либо пропустить. Было много интересного и неожиданного. Всех охватило чувство восторженного подъёма. Это был глоток вольности для общества, изголодавшегося по свободе, что подобно рюмке водки на голодный желудок – большой эффект при малом количестве.

В области культуры были расшатаны жесткие рамки «соцреализма», что ощущалось как в творчестве отечественных представителей, так и в потоке западного искусства (гастроли, выставки и т.д.) Вообще значение любого исторического деятеля необходимо оценивать с учётом конкретных исторических условий: так, Н.С. Хрущёв, несмотря на свою необразованность и невыдержанность, для СССР середины XX века был, по-моему, сугубо положительным руководителем, сыгравшим прогрессивную роль в развитии страны.

Именно в это время в литературе впервые появились произведения, разоблачающие бесчеловечность сталинского режима. В первую очередь, повесть А.Солженицына «Один день Ивана Денисовича», но мне были ближе «Колымские рассказы» В. Шаламова и книга Б. Дьякова «Повесть о пережитом».

Во время «оттепели» получили большое распространение молодёжные кафе и клубы, где собиралась молодёжь и обсуждались злободневные вопросы. Одним из таких клубов, организованных в преддверии Московского фестиваля молодёжи и студентов, был Клуб молодёжи Петроградской стороны при Доме культуры Промкооперации (в просторечии «Промка»). Именно с ним связано создание первого в Советском Союзе киноклуба. Собралась группа энтузиастов – любителей кинематографа и решили организовать киноклуб; администрация ДК и обком комсомола нас поддержали. Было распространено объявление, по которому 8 декабря 1958 г. собралось человек 50 и начали выбирать Совет и его председателя, составлять программу, устав и эмблему клуба (из большого количества вариантов была выбрана достаточно простая и выразительная, но, к сожалению, все

попытки сделать соответствующий значок, так и не увенчались успехом.

При выборе Совета я, к своему огорчению, не получил желаемого количества голосов (больше всех кандидатов), но уже на заседании Совета был избран председателем. По программе занятий клуба было много предложений, спорили, как организовать работу: то ли по направлениям, то ли по странам, то ли по режиссерам. В результате решили просматривать и обсуждать, по возможности с участием съёмочной группы, наиболее значительные кинофильмы; проводить дискуссии по актуальным проблемам кинематографии, отмечать знаменательные даты, связанные с кино. Запомнился диспут «Экранизация», где прозвучала достаточно смелая мысль, что за малым исключением экранизация всегда слабее оригинала, ибо автор для выражения своих идей и мыслей, естественно, выбрал наиболее близкий ему способ изображения. А в одном из обсуждений я высказал резкое суждение о массовом зрителе: «Если занимательно показать на экране прыгающих лягушек, то это тоже публика примет положительно». И соответственно делал отнюдь не оригинальный вывод, что нужно подымать зрителя до настоящего искусства, а не опускать последнее на потребу неискушённой публики.

Сохранился самодельный рисованный альбом со стихами, с юмором рассказывающий об организации киноклуба; отдельные его фрагменты были даже опубликованы в журнале «Советский экран».

Из праздников наиболее яркими были заседания киноклуба, посвящённые Сергею Эйзенштейну и Чарли Чаплину. В обоих случаях сцену в зале заседания украшали большие красочные портреты виновников торжества, выполненные одним из художников Ленфильма; а стены были украшены многочисленными киноплакатами, посвящёнными их фильмам. В первом случае с воспоминаниями о своих встречах с С. Эйзенштейном и совместной работе в кинокартине «Иван Грозный» выступил Павел Кадочников, который рассказал много интересного о великом режиссёре. Во втором случае мы нашли в Ленинграде только двух людей, имевших отношение к Ч. Чаплину: Григория Козинцева, занимавшегося творчеством Чаплина, и Елену Юнгер, встречавшуюся с ним в США. С обоими я лично общался (помню небольшую, тёмную столовую с большим обеденным столом у Г. Козинцева на

Дворец культуры им. Ленсовета. 1960-е гг., фот. А. Бродский

Петроградской стороне, недалеко от Ленфильма; и маленькую театральную уборную Е. Юнгер в Театре комедии на Невском) и просил принять участие в нашем мероприятии, но, к огромному сожалению, оба под разными предлогами отказались. И мы ограничились интересным выступлением Р.Е. Славского с демонстрацией фильмов из его коллекции ранних работ Чаплина. С Чаплиным связан смешной и немножко грустный казус. Весной 1959-го мы решили от имени киноклуба поздравить Ч. Чаплина с 70-летним юбилеем, долго составляли и переводили поздравительное письмо и отправили его, но ответа, на который очень рассчитывали, не получили. И только позднее поняли, что почему-то ошиблись на пару месяцев.

В основном, все попытки выйти на международную арену не увенчались успехом, хоть и была малосенькая заметка в польском журнале «Film» (правда, нужно заметить, что ленинградская печать о киноклубе сообщала достаточно регулярно), и незначительная переписка с киноклубом Ноттингемского университета в Англии и Международ-

ной федерацией кино клубов, в которой президентом регионального секретариата по славянским странам тогда был польский кинокритик Ежи Плажевский. Во время моей туристической поездки в Польшу один вечер в Варшаве я провёл в кино клубе «Жак». Ничего особенно интересного и запоминающегося там не было, однако потом это вышло мне, как говорится, боком. При очередной попытке поехать в турпоездку за границу, мне было отказано в рекомендации (утверждаемой в райкоме КПСС и необходимой для выезда за границу), т.к. якобы, имея допуск к так называемым секретным работам, я не должен был встречаться с иностранцами или, по крайней мере, сообщать о содержании встреч в спецотдел, чего я, естественно, не сделал.

В гостях у кино клуба по разным поводам побывало много деятелей кино, особенно ленинградского: Леонид Быков, Д. Г. Иванеев, А. В. Ивановский, Павел Кадочников, Инна Кондратьева, Василий Меркурьев, Г. Г. Никулин, Олег Табаков, Евгений Шапиро, Сергей Юрский и многие другие. Лично мне довелось встретиться с Галиной Вишневской, красивой, статной брюнеткой с властным взглядом темных глаз, исполнявшей главную роль в фильме-опере «Катерина Измайлова», на презентации картины в Доме кино. К этому времени он располагался уже в шикарном зале над кинотеатром «Родина», а не в скромном помещении на Невском (кинотеатр «Знание»).

Именно в кино клубе сформировались мои взгляды на кинематограф. Если, например, человеку нравилась «Рапсодия» (никудашный американский фильм, правда с хорошей классической музыкой, по моему, П.И. Чайковского), я переставал дискутировать с ним о кино – слишком различны были исходные позиции. Дело в том, что музыка в кинематографе – искусстве зрелищном, элемент вспомогательный, предназначенный для усиления зрительного восприятия. Глупо утверждать, что фильм чудесный, потому что в нём хорошая музыка. По поводу такой, с позволением сказать, музыкальной оценки вспоминается высказывание о женщине при отсутствии у неё внешних данных: «Какие у неё красивые волосы». Вообще так оценивать фильм – это всё равно, что сказать: «Прекрасный роман – в нём изумительные иллюстрации». Это нисколько не умаляет достоинства композиторов и художников, работающих, соответственно, в кинематографе и литера-туре, просто каждому своё.

В принципе, я очень сдержанно отношусь к опере, оперетте и мюзиклам; особенно в кино («Шербурские зонтики» и тому подобные фильмы) – искусстве зрительных образов, где все достижения должны быть в этом направлении. Что касается фильмов-опер и других фильмов-спектаклей, то даже при талантливом исполнении они ценны только, как документальная фиксация, а кинематограф при этом выступает, пользуясь известной терминологией, как «средство изображения» а не «средство выражения», а это, по большому счету, не соответствует его сущности.

В постсоветское время эстетическое восприятие кинематографа, к сожалению, в целом резко изменилось, вернее изуродовалось, если можно вообще говорить о таковом. Иллюстрацией может служить ужаснувшее меня сравнение кино с колбасой, прозвучавшее в интервью довольно известного продюсера И. Толстунова, даже названного «серьезным» и «понимающим» таким творческим режиссером, как Марлен Хуциев: «Глупо говорить о художественных достоинствах и недостатках (кинокартины). Так же, как глупо говорить о достоинствах и недостатках докторской колбасы..... Она просто есть, и на неё большой спрос». Комментарии, как говорится, излишни. Не менее удручающее впечатление произвело на меня сообщение о выселении единственного в стране Музея кино новыми, далекими от культуры хозяевами здания Киноцентра в Москве.

Я уже не помню, по какой причине заглохла деятельность кино клуба в ДК, но через некоторое время при содействии молодёжной газеты «Смена» она возобновилась в кинотеатре «Молодёжный». В этом сыграло большую роль молодое поколение актива клуба. Директором кинотеатра в то время был Ронкин – отставной юрист из органов; до сих пор не могу понять, чем его прельщала эта малопrestижная работа. В основном, кино клубом, в котором продолжались дискуссии и обсуждения, просмотры и встречи, занимался замдиректора (потом директор) Миша Баскин, который в своих последующих материалах по культмассовой работе даже использовал опыт клуба, в частности, создание кино клубовцами кино уголков в своих организациях. Иногда после официальной встречи с приглашенными деятелями кино организовывалось неофициальное продолжение. Помню приятную беседу с Эдуардо де-Филлипо и не менее приятное застолье в ресторане

«Север» (рядом с к/т «Молодёжный») с З. Шарко и С. Юрским, с последним я потом как-то общался в Таллине, где он снимался в «Трёх толстяках». Вообще руководство кинотеатра имело тесные связи с театрально-киношным миром Ленинграда. Именно в администраторской я познакомился с композитором Олегом Каравайчуком, как все таланты, достаточно странным в поведении и одежде (я как-то повстречал его на Невском в несуразно надетой ушанке с отсутствующим взглядом); с Вадимом Медведевым очень импозантным, но по-моему не самым умным актером, но для его амплуа героя-любовника, ничего другого и не требовалось. Однажды вместе с администрацией «Молодёжного» я попал в театр им. Комиссаржевской на выступление Булата Окуджавы, которое проходило поздно вечером (после спектакля в театральном зале). Зрителей или вернее слушателей было мало, но было очень здорово – ничто не могло сравниться с авторским исполнением вживую. Тогда же я был на одном из первых, по-моему, вечеров Владимира Высоцкого в Ленинграде. Выступал он в небольшом зале Дома ученых на набережной Невы. Принимали очень хорошо – хриплый голос Высоцкого завораживал, а злободневный, часто инсказательный, текст захватывал слушателей.

В какой-то мере с киноclubом связаны попытки создания нашей «киношной» компанией документальных и игровых узкопланочных фильмов. Но отсутствие у «творцов» таланта и даже способностей «обеспечило», естественно, абсолютные неудачи.

Увлечённость кинематографом привела меня летом 1961 г. на 2-й Московский международный кинофестиваль, а достав жетон «Пресса», я получил возможность побывать практически везде. Целыми днями я мотался с одного мероприятия на другое, зачастую не успевая поесть. Я просмотрел много фильмов, но сильнейшее впечатление произвела бессловесная японская картина Канэто Синдо – «Голый остров». Был я и на дискуссионной встрече, где запомнился С. Герасимов, встречавший гостей на лестнице, и его растерянность при виде меня – не знаком, то ли позать руку, то ли нет; сомнения решились в мою пользу – мы обменялись рукопожатием. Перед началом дискуссии Т. Макарова угощала гостей печеньем с кофе, но, к моему большому сожалению (я был очень голоден), всё ограничилось первыми рядами, где сидели, как сейчас говорят, VIP. На встрече выступил французский кинокритик

Артист Академического Большого драматического театра им. М. Горького К. Лавров (в центре) беседует с членами киноclubа Молодёжный. 1965 г.

Марсель Мартен, по-моему, совершенно бесцветно – «растекаясь мыслию по древу», с единственной целью показать, как и большинство выступающих, что он тоже не дурак. Сам фестиваль произвел большое впечатление, так как по существу впервые позволил познакомиться с современным западным кинематографом. Уже позднее через мою приятельницу, преподававшую тогда французский язык во ВГИКе, мне удалось просмотреть там много шедевров мирового кино. А один раз, попав на ночной просмотр, устроенный ЦК комсомола, и опоздав поэтому на поезд в Ленинград, я познакомился с уникальным «шедевром», фильмом из знаменитой серии об агенте 007 Дж.Бонде – «Голдфингер» (ужасное барахло).

Возвращаясь к истории первого киноclubа в СССР, необходимо сказать, что время шло и постепенно все «отцы-основатели» киноclubа отошли от дел сначала фактически, а потом и формально, и на юбилейных вечерах клуб появлялись уже в роли гостей. А в стране усиливался интерес к кино, приведший к повсеместному возникновению подобных клубов.